

П. П. Пекарский

**Маркиз де-ла Шетарди в
России 1740–1742 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. П. Пекарский**
Маркиз де-ла Шетарди в России 1740–1742 гг. / П. П. Пекарский – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 672 с.

ISBN 978-5-517-86365-2

Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге.

ISBN 978-5-517-86365-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Личная вражда цесаревны къ Остерману. Сужденія приверженцевъ Елизаветы и племянника ея герцога голштинскаго, стр. 294—320.

Отъѣздъ Линара. Увѣренія Елизаветы въ своей преданности къ французскому королю. Отъѣвъ ея о сватовствѣ французскаго принца. Недовольство Нолькеномъ. Намѣреніе де-ла-Шетарди подкупать русскихъ знатныхъ въ пользу Франціи, стр. 321—341.

Замыселъ превозгласить правительницу Анну императрицею. Турецкій посланникъ. Политическія соображенія де-ла-Шетарди и затруднительность его роли. Новая попытка къ сватовству принца Конти. Политическая комбинація противъ Австріи. Придворныя извѣстія. Пораженіе шведовъ при Вильманштрандѣ. Манифестъ шведскаго генерала Левенгаупта и толки о немъ при дворѣ правительницы. Соображенія о переворотѣ. Потитіека Остермана, стр. 342—393.

Царствованіе Елизаветы.

Ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. въ Петербургѣ. Степень участія де-ла-Шетарди въ рѣшительную минуту. Вражда народа къ нѣмцамъ. Своевольство солдатъ. Неожиданность переворота для царедворцевъ, стр. 393—440.

Настоянія шведскаго генерала Левенгаупта объ уступкѣ Россію областей. Противодѣйствіе тому со стороны де-ла-Шетарди. Его старанія уничтожить влияние нѣмцевъ на Россію. Засѣданія слѣдственной комиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ и др. Лукавство А. Бестужева-Рюмина съ де-ла-Шетарди, стр. 440—477.

1742 годъ.

Продолженіе настояній шведовъ. Де-ла-Шетарди — рѣшительный приверженецъ интересовъ Россіи. Недовольство и выговоры ему за то французскаго правительства. Представленія принца Конти о выгодѣ для Франціи отъ женитьбы его на Елизаветѣ, стр. 477—509.

Оправданія де-ла-Шетарди передъ своимъ правительствомъ. Подкупъ Лестока. Попытки подкупить А. Бестужева-Рюмина и кн. Куракина. Непреклонность императрицы и министровъ на уступки шведамъ, стр. 509—519.

Наказаніе и отправленіе въ ссылку Остермана, Мишха и др., стр. 519—532.

Продолженіе настояній объ уступкахъ. Де-ла-Шетарди защищаетъ Россію, французскій министръ въ Стокгольмѣ — Швецію. Пренія ихъ о томъ въ депешахъ. Досада французскаго правительства на безуспѣшность настояній въ Петербургѣ. Подкупъ Бестужева-Рюмина. Переговоры маркиза де-ла-Шетарди съ русскими министрами. Лагеркранцъ и его извѣстія о бѣдственномъ состояніи шведской арміи, стр. 532—572.

Рѣшимость русскаго правительства продолжать войну противъ Швеціи. Выговоры французскаго министра иностранныхъ дѣлъ маркизу де-ла-Шетарди. Елизавета узнаетъ о тайныхъ желаніяхъ французскаго правительства ослабить Россію. Де-ла-Шетарди замѣчаетъ охлажденіе къ нему Бестужева-Рюмина, стр. 572—614.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

- I. Манифестъ, сочиненный Остерманомъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ престола, стр. 619—622.
- II. Манифестъ Іоанна III и копія съ сочиненнаго Бестужевымъ-Рюминымъ завѣщанія императрицы Анны, о регентствѣ Бирова, стр. 622—628.
- III. О приданіи титула высочества Бирону и принцу Антону Ульриху, стр. 628—630.
- IV. Просьба объ отставкѣ и указъ объ увольненіи принца Антона Ульриха, стр. 630—631.
- V. Манифесты отъ имени Іоанна III о невинности лицъ, пытаныхъ и сужденныхъ при Биронѣ, стр. 632—634.
- VI. Показаніе гр. Остермана о деньгахъ и подаркахъ, полученныхъ имъ на службѣ въ Россіи, стр. 635—638.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ

ВЪ РОССІИ

1740 — 1749 годовъ.

Въ 1731 году явился въ Берлинъ двадцати шести-лѣтній Гоахимъ Жакъ Тротти маркизь де-ла-Шетарди съ повелѣніемъ французскаго короля исполнять должность французскаго министра при тамошнемъ дворѣ. До 1734 года о немъ было не слышно, но попытка въ томъ году Станислава Лещинскаго вступить снова на польскій престолъ, при содѣйствіи Франціи, дала случай де-ла-Шетарди развернуть свои дипломатическія способности.

Въ доброе старое время считали невозможнымъ для дипломата прямой и откровенный образъ дѣйствій, онъ долженъ былъ до всего добиваться окольными путями и извилинами, всюду являться, какъ фокусникъ, со множествомъ потаенныхъ кармановъ, узнавать только подслушиваніемъ у дверей, отворять ихъ не иначе, какъ чрезъ дорого купленныхъ шпионовъ и соглядатаевъ. Отъ дипломата въ XVIII столѣтіи не слишкомъ много требовалось государственной опытности, но ему непременно нужно было быть лукавымъ, двуличнымъ, способнымъ подкопаться подъ врага, разставить сѣти, посадить въ западню. Въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія всѣмъ этимъ особенно славились французскіе дипломаты, и скоро де-ла-Шетарди не преминулъ показать, что онъ между ними былъ не послѣдній, тѣмъ болѣе, что при молодости у него были еще другія качества, драгоценныя въ его званіи: стройный, красивый, остроумный, любезный — онъ нравился женщинамъ.

Маркизь приступилъ къ прусскому королю съ своими настояніями въ защиту Лещинскаго, и въ одномъ современномъ письмѣ говорилось по этому поводу, что французскій министръ въ Берлинѣ пускаетъ въ ходъ всѣ пружины, говоритъ и ложь, и правду (*emploit le vrai et le faux, le vert et le sec*), чтобы только запутать поболѣе прусскаго короля въ дѣла Сѣвера. Несмотря на враговъ, несмотря на ихъ происки, де-ла-Шетарди остался побѣдителемъ: покрайней мѣрѣ послѣ бѣгства Лещинскаго изъ Данцига, осажденнаго русскими войсками, прусскій король далъ претенденту убѣжище и тѣмъ спасъ его отъ угрожавшей опасности. Такой успѣхъ, а можетъ быть и другія причины заставили нѣмецкихъ враговъ де-ла-Шетарди сочинить сатиру, въ которой, какъ часто въ нѣмецкихъ сатирахъ за отсутствіемъ остроумія, рѣчь идетъ и о кулакахъ. Въ 1734 г., на обѣдѣ у графа Денгофа читали стихи подъ такимъ, вѣроятно считавшимся верхомъ остроумія заглавіемъ: *Der anfangs hitzige und gross sprechende, zuletzt aber mit Schlägen abgefertigte französische Marquis*, т. е. сначала горячившійся и свысока говорившій, впоследствии же отколоченный французскій маркизь. Де-ла-Шетарди былъ въ высшей степени оскорбленъ тѣмъ; впрочемъ онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что если нажилъ себѣ въ Берлинѣ враговъ, то въ тоже самое время были у него тамъ и пріатели. Наслѣднй принцъ прусскій, впоследствии знаменитый Фридрихъ II былъ чрезвычайно благосклоненъ къ маркизу, и одно время даже думали, что онъ возьметъ его къ себѣ въ министры. Однажды Фридрихъ II писалъ о де-ла-Шетарди: *le marquis viendra ici la semaine prochaine, — c'est du bonbon pour nous* (маркизь пріѣдетъ на будущей недѣли — это конфеты для насъ)! Герцогиня Луиза Доротея, видѣвшаяся съ де-ла-Шетарди въ 1742 г. описывала его въ такихъ словахъ

саксонскому графу Мантейфелю: „я нахожу его довольно разсудительнымъ для француза. Онъ уклончивъ, вѣжливъ, краснорѣчивъ, всегда говоритъ изящно и пысканно. Короче — это единственный изъ знакомыхъ мнѣ французовъ, котораго нахожу я болѣе сноснымъ и занимательнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался мнѣ похожимъ на хорошій старый реинвейнъ: вино это никогда не теряетъ усвоеннаго имъ отъ почвы вкуса и въ тоже время, по отзыву пьющихъ его въ нѣкоторомъ количествѣ, отягчаетъ голову и потомъ надоѣдаетъ. То же самое и съ нашимъ маркизомъ: у него бездна приятныхъ и прекрасныхъ качествъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствуешь, что въ немъ примѣшана частица этой врожденной заносчивости, которая почти никогда не покидаетъ француза, какого бы ни былъ онъ званія и возраста.“

Въ продолженіи большей части царствованія императрицы Анны, французскій дворъ былъ въ размолвкѣ съ петербургскимъ. Послѣдній постоянно держалъ сторону Австріи, первой непріятельницы тогда Франціи, и своимъ вмѣшательствомъ въ 1734 г. совершенно ниспровергнулъ планъ версальскаго кабинета возвести на польскій престолъ тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Однако въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, между Франціею и Россіею произошло, по крайней мѣрѣ по наружности, нѣкоторое сближеніе. Французскій посланникъ въ Константинополь, маркизь де-Вильневъ хлопоталъ о заключеніи мира Турціи съ Россіею, и, наконецъ, оба двора рѣшились возобновить дипломатическія сношенія. Въ Парижъ былъ посланъ бывший до того времени русскимъ министромъ въ Лондонѣ князь Антиохъ Кантемиръ, а версальскій дворъ сначала было назначилъ въ Петербургъ графа Вольгрена, но потомъ отправилъ маркиза де-ла-Шетарди.

Маркизу приказано было ѣхать къ новому посту съ

чрезвычайнымъ поспѣшеніемъ, но на пути, онъ, увлеченный тщеславіемъ, остановился въ Берлинѣ, чтобы похвастаться блескомъ, которымъ намѣревался ослѣпить Петербургъ, и тѣмъ побѣдить своихъ берлинскихъ враговъ. „Маркизь де-ла-Шетарди, писалъ по этому поводу Мантейфель 4 октября 1739 г., считавшійся до сихъ поръ за человѣка очень вѣжливаго и общительнаго, не перестаетъ казаться смѣшнымъ своимъ высокоуміемъ и посланническими пріемами.“

Маркиза, хотя назначенное ему содержаніе не превышало 50 т. ливровъ въ годъ, сопровождала многочисленная свита, состоявшая изъ 12 кавалеровъ, секретаря, 8 духовныхъ, 6 поваровъ подъ главнымъ руководствомъ самого знаменитаго Барридо, перваго, по отзыву Мантейфеля же, знатока въ дѣлѣ хорошо поѣсть, и въ сравненіи съ которымъ Дюваль (поваръ наслѣднаго прусскаго принца) не болѣе, какъ ученикъ; далѣе — изъ 50 пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. Такой свитѣ соотвѣтствовали и наряды: „платья де-ла-Шетарди, замѣчалъ Мантейфель, самыя великолѣпныя и самыя лучшимъ образомъ исполненныя изъ виданныхъ когда либо въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что значить Франція.“ Въ тщательно укупоренныхъ ящикахъ съ нимъ везлось до 100.000 бутылокъ тонкихъ французскихъ випъ, и между ними 16.800 бутылокъ были съ шампанскимъ. 29 сентября 1739 г., прусскій король давалъ ему въ Потсдамѣ аудіенцію и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. При этомъ маркизь долженъ былъ рассказывать королю, который по своему обыкновенію закидывалъ вопросами, о Франціи и особенно объ образѣ жизни Людовика XV. Де-ла-Шетарди, между прочимъ, повѣствовалъ, что большая часть занятій его величества христіаннѣйшаго распредѣлены, какъ по нотамъ. Тогда король спросилъ *à brûle pourpoint et tout*

sérieusement: quand est ce que donc qu'il couche avec la Mailli (тогдашняя фаворитка Людовика XV)?— Oh, quant à cela, отвѣчалъ маркизь, cela n'est point réglé que je sache. Но если посоль умѣлъ при этомъ случаѣ выпутаться изъ затрудненія, то за то одна дама изъ Помераніи едва было не привела его въ смущеніе. При посѣщеніи ея, какъ своей прежней знакомой, онъ представлялъ новаго французскаго министра въ Берлинѣ де-Валори, и дама, желая сказать что нибудь лестное послѣднему, не нашла ничего лучше, кромѣ слѣдующаго: „вы мнѣ очень нравитесь: вы вовсе не похожи на француза, а скорѣе на добраго жителя Помераніи!“ Такой комплиментъ смутилъ де-ла-Шетарди, но Валори принялъ его весьма любезно, возразивъ, что она уже слишкомъ много дѣлаетъ ему чести.

Наконецъ 15 ноября маркизь оставилъ Берлинъ, получивъ за промедленіе въ дорогѣ сильный нагоняй (une verte mercuriale) изъ Парижа. Приблизившись къ Кенигсбергу, онъ послалъ впередъ курьера съ требованіемъ выслать къ нему на встрѣчу на послѣдней станціи шесть почтальоновъ, что почтмейстеромъ и было исполнено. Маркизь имѣлъ торжественный вѣздъ въ Кенигсбергъ. Изъ петербургскихъ, наконецъ, вѣдомостей за 1739 г. узнаемъ, что 29 ноября встрѣчали де-ла-Шетарди въ Ригѣ войска и городовыя роты, при чемъ происходила пальба; посланникъ обѣдалъ у тамошняго губернатора Бисмарка и „такимъ образомъ чрезъ три дня здѣсь во всякомъ удовольствіи пробавился.“ 12 декабря такая же встрѣча для него была устроена въ Нарвѣ, 15 — французскій посоль прибылъ въ Петербургъ...

Само собою разумѣется, что настоящая цѣль отправленія версальскимъ дворомъ посланника въ Петербургъ была загадкою для современниковъ, не посвященныхъ въ закулисныя тайны тогдашней французской

политики. Журналы тѣхъ временъ не имѣли, какъ нынѣ, всезнающихъ корреспондентовъ во всѣхъ уголкахъ обитаемаго міра; кромѣ того европейская пресса вѣроятно даже и не мечтала о той свободѣ, которою стала пользоваться не ранѣе конца прошлаго вѣка. По этому неудивительно, что въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія о де-ла-Шетарди и его дальнѣйшихъ подвигахъ въ Россіи помѣшались самыя неполныя извѣстія.

Такъ напримѣръ въ *Europäische Fama* *), журналѣ, наиболѣе уважавшемся въ Германіи за свою точность и обстоятельность, сообщалось: „французскій посланникъ маркизь де-ла-Шетарди, котораго повсюду на пути принимали съ такимъ почетомъ, имѣлъ торжественную аудіенцію у ея императорскаго величества, потомъ у обѣихъ принцессъ Анны и Елизаветы, также у герцога курляндскаго. Предметомъ его переговоровъ будутъ: 1) укрѣпленіе дружбы и союза, предложеннаго Петромъ I чрезъ князя Куракина, но оставшагося неисполненнымъ по случаю затрудненій въ признаніи императорскаго титула; 2) французскій дворъ вызывается устранить это затрудненіе, не только признавъ за русскою монархинею этотъ титулъ, но и гарантируя наслѣдованіе, которое будетъ ею учреждено; 3) установленіе торговли между Франціею и Россіею на такомъ основаніи, чтобы подданные обѣихъ державъ могли взаимно пользоваться свободною торговлею и судоходствомъ; 4) французскій дворъ обѣщается гарантировать заключенный между Россіею и Швеціею ништадтскій трактатъ и предлагаетъ свое посредничество по случаю возникшихъ между Россіею и Швеціею неудовольствій. Взамѣнъ того, король желаетъ, чтобы Россія не заключала никакихъ союзовъ во вредъ Франціи. Мы сооб-

*) Тб. 56, 1740, S.S. 727 — 728.